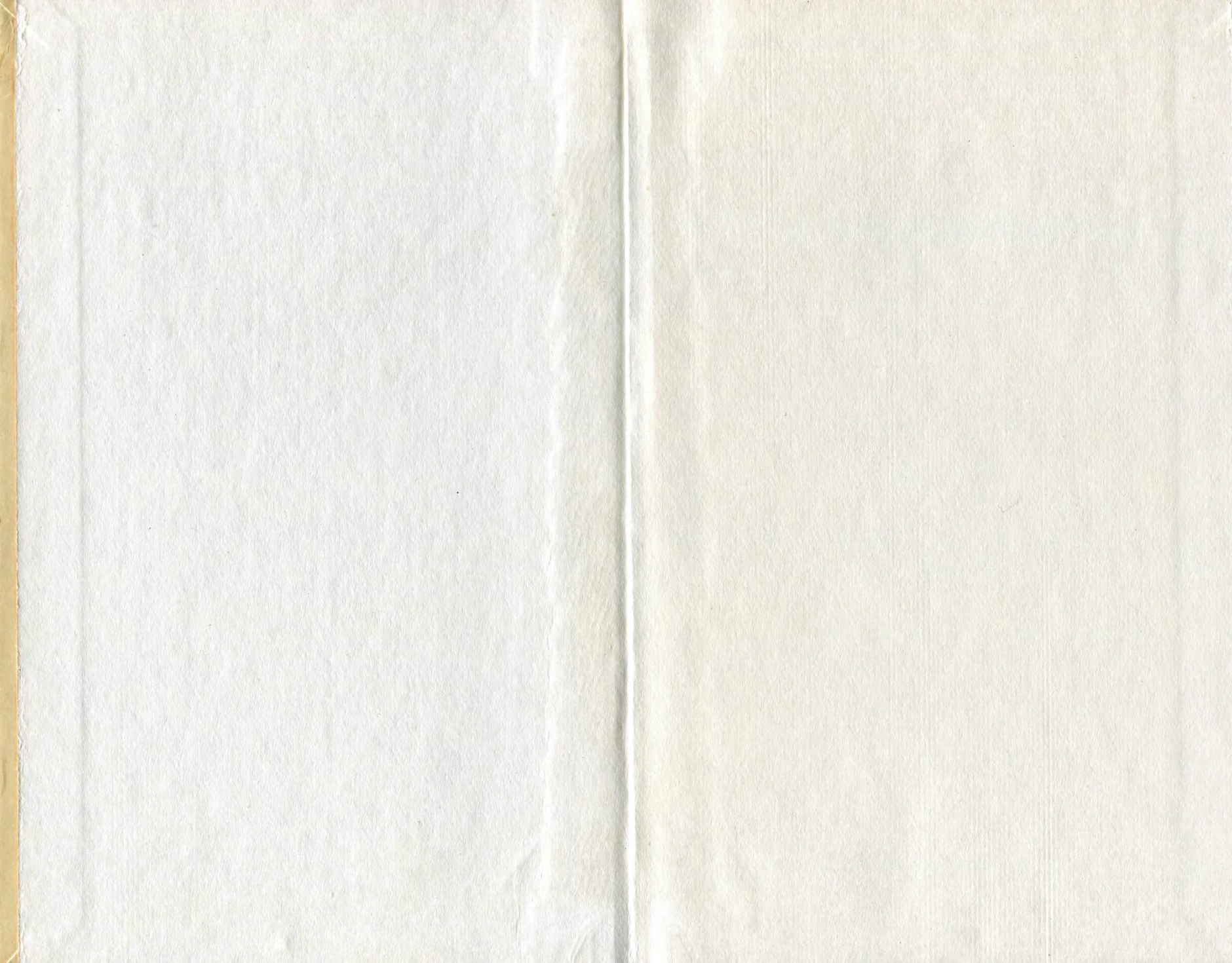

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. И. ФОНВИЗИН

НЕДОРОСЛЬ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. И. ФОНВИЗИН

НЕДОРОСЛЬ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ
ДЕЙСТВИЯХ

Ленинград «Детская литература» 1981

Р1 (ср. и ст.)
Ф 77

Послесловие и подготовка текста
А. ЗАПАДОВА

Рисунки Н. МУРАТОВА

70803—154
Ф $\frac{70803-154}{M101(03)81}$ 156—81

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Простаков.

Гж.¹ Простакова, жена его.

Митрофан, сын их, недоросль².

Еремеевна, мама³ Митрофанова.

Правдин.

Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.

Г-н Скотинин, брат гж. Простаковой.

Кутейкин, семинарист.

Цыфиркин, отставной сержант.

Вральман, учитель.

Тришка, портной.

Слуга Простакова.

Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

¹ Гж.— сокращенное написание слова «госпожа». В дальнейшем принято более употребительное сокращение — г-жа.

² Так официально назывались дворяне, преимущественно молодые, не получившие документа об образовании и не поступившие на службу. Вместе с тем словом «недоросль» именовался любой дворянин, не достигший совершеннолетия. Имя «Митрофан» в переводе с греческого языка означает: «подобный своей матери».

³ Мама, то есть кормилица.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна

Г-жа Простакова (*осматривая кафтан на Митрофане*). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходит.*) Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь шить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да ведь портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Еще он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первое портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первое портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегает*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простак ова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков

Г-жа Простак ова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков *(от робости запинаясь)*. Ме... мешковат немного.

Г-жа Простак ова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простак ова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простак ова. Вот каким муженьком наградил меня господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил, и верю.

Г-жа Простак ова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты прогневалась?

Г-жа Простак ова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, шит изряднехонько.

Г-жа Простакова (*Тришке*). Выйди вон, скот. (*Еремеевне*.) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать робенку. Ведь, я чаю, скоро и учителя придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Извольте смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я ведь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, мати божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да, видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая же дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков (*в сторону*). Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан (*разнежась*). Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова (*с досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердешный! Вот сынок, одно мое утешение.

С к о т и н и н. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин.

П р о с т а к о в. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя, от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

С к о т и н и н. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа П р о с т а к о в а. Уж не послать ли за доктором в город?

М и т р о ф а н. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа П р о с т а к о в а. Так авось-либо господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевной отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа П р о с т а к о в а, П р о с т а к о в, С к о т и н и н

С к о т и н и н. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Вечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа П р о с т а к о в а. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако, я ей свойственница: а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

П р о с т а к о в (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущою сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар...

Г-жа П р о с т а к о в а (*показывая, будто крестит сердце*). С нами сила крестная.

П р о с т а к о в. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее именем, как над своим.

Г-жа П р о с т а к о в а. Что, что ты сегодня так разо-

врался, мой батюшка? Еще братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простак ов. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьишкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдору с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простак ов. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простак ова. Хоть бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор, как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простак ова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простак ов. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простак ова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиной, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простак ов. Странное дело, братец, как родня на родню походить может! Митрофанушка наш весь в дядю — и он до свиной сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиной для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да от чего же я к свиньям так сильно пристрастился?

Простак ов. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья

Софья вошла, держа письмо в руках и имея веселый вид.

Г-жа Простакова (*Софье*). Что так весела, матушка, чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова (*испугавшись, с злобою*). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застрашать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну, да коли он не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова (*к мужу*). Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! (*К Софье*.) Письмецо-то мне пожалуй. (*Почти вырывает*.) Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма? Я доберусь. Вот до чего дожили. К девушкам письма пишут! девушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. (*К мужу*.) Читай.

Простаков (*долго смотря*). Мудрено.

Г-жа Простак ова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я от роду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простак ова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простак ова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троиим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота¹ его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины². Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин

Г-жа Простак ова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

¹ До тех пор.

² Дворяне в XVIII веке могли получать чины и звания не служа, числясь в многолетнем отпуске.

П р а в д и н. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

С к о т и н и н. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал?

П р а в д и н. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

С к о т и н и н. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

П р а в д и н. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

С к о т и н и н. А смею ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю,— в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа П р о с т а к о в а. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. (*К Правдину.*) Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

П р а в д и н. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

С о ф ь я. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

П р а в д и н. Если вы приказываете. (*Читает.*) «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известия. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощью счастья, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

С к о т и н и н и о б а П р о с т а к о в ы. Десять тысяч!

П р а в д и н (*читает*). «которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

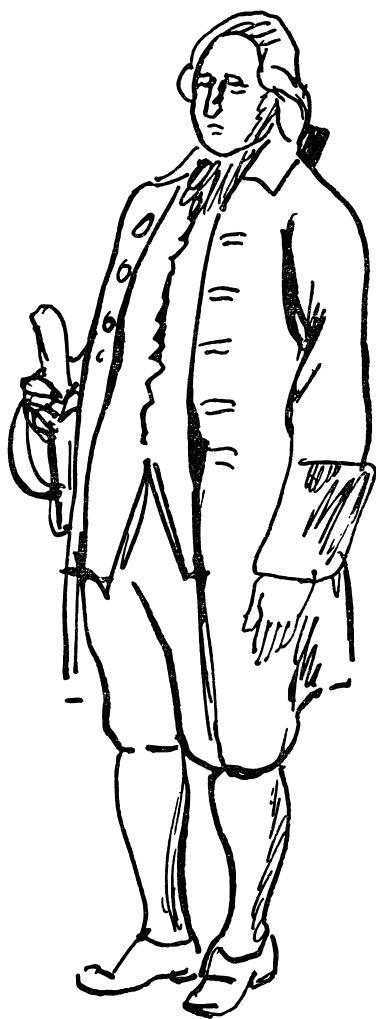
Г-жа П р о с т а к о в а. Тебя наследницею!

П р о с т а к о в. Софью наследницею!

С к о т и н и н. Ее наследницею!

} Вместе.

Г-жа П р о с т а к о в а (*бросаясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя с радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то, отец родной! Я и сама все-таки думала, что бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин (*протянув руку*). Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя выйти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Софьюшка, душа моя! пойдём ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодня сговору-то вряд и быть ли.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, Слуга

Слуга (*к Простакову, запыхавшись*). Барин, барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну, разорят нас до конца!

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и Слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобой! Скажи, каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига¹ сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника². С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении³, там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дня. Нашел помещика дурака бессчетного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено солдат вести без замедления... Да сверх того я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен, и имею счастье быть любим. Больше

¹ Побуждения.

² Россия в 1775 году была разделена на пятьдесят губерний. В отдельных случаях две-три губернии объединялись в руках представителя верховной власти — наместника, при котором создавалось правление. Правдин был членом правления наместничества.

³ Закон о губерниях назывался «Учреждение для управления губерний Российской империи». Он был издан в 1775 году.

полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слышал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

П р а в д и н. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь¹, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сомневаюсь, что унять их возьмутся меры.

М и л о н. Счастлив, ты, мой друг, будучи в состоянии облегчить судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

П р а в д и н. Позволь мне спросить об ее имени.

М и л о н (*в восторге*). А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья

Софья (*в восхищении*). Милон! тебя ли я вижу?

П р а в д и н. Какое счастье!

М и л о н. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

П р а в д и н. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... ты узнаешь от меня, какие грубости...

М и л о н. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменяла со мной свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обиньякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

¹ Ласкаю себя мыслью, надеюсь.

М и л о н (*с нетерпением*). И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

С о ф ь я. Нет...

М и л о н. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

С о ф ь я. Нет...

М и л о н. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

С о ф ь я (*усмехаясь*). Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

М и л о н (*с негодованием*). Я воображаю все его достоинства...

С о ф ь я. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

П р а в д и н. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтырь¹.

М и л о н. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

С о ф ь я. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

М и л о н. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

С о ф ь я. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своем, которого (*к Правдину*) не позволил нам дочитать господин Скотинин.

М и л о н. Скотинин!

С к о т и н и н. Я!

¹ Часослов и псалтырь — церковные книги, по которым обучали грамоте, заставляя затверживать текст наизусть.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Скотинин

П р а в д и н. Как вы подкралась, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

С к о т и н и н. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во все горло: я!

П р а в д и н. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

С к о т и н и н. Я никуда не шел, я брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

П р а в д и н. Что ж бы вас так теперь занимало?

С к о т и н и н. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

П р а в д и н. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

С к о т и н и н (*озлобясь*). Как мячиком? Оборони бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

С о ф ь я. Ах, как вы рассердились!

М и л о н. Что с вами сделалось?

С к о т и н и н. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом. «Что-де тебе, братец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

П р а в д и н. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

С к о т и н и н. Эка притча! Я другому не помеха. Всякой женись на своей невесте. Я чужую не трону, и мою

чужой не тронь же. (*Софье*.) Ты не бойсь, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит! Вот еще новое!

Милон (*вскричал*). Какая дерзость!

Скотинин (*к Софье*). Чего ж ты испугалась?

Правдин (*к Милону*). Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья (*Скотинину*). Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок особый, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин (*Скотинину*). Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сына своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как черта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду ее мужем, или Митрофан уродом.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Еремеевна и Митрофан

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружок.

Еремеевна. Изволь подойти к дядюшке.

М и т р о ф а н. Здорóво, дядюшка! Что ты так ощети-
ниться изволил?

С к о т и н и н. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Е р е м е е в н а. Погляди, батюшка.

М и т р о ф а н (*Еремеевне*). Да дядюшка что за невидальщина? Что ты на нем увидишь?

С к о т и н и н. Еще раз: гляди на меня прямее.

Е р е м е е в н а. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытарашил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

М и л о н. Вот изрядное объяснение!

П р а в д и н. Чем-то оно кончится?

С к о т и н и н. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Е р е м е е в н а (*задрожала*). Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?

М и т р о ф а н. Что ты, дядюшка, белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

С к о т и н и н. Смотри же, не отпирайся, чтоб я в сердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват богу и государю. Смотри, не клепли же и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Е р е м е е в н а. Избави бог напраслины!

С к о т и н и н. Хочешь ли ты жениться?

М и т р о ф а н (*разнежась*). Уж давно, дядюшка, берет охота...

С к о т и н и н (*бросаясь на Митрофана*). Ох ты чушка проклятая!

П р а в д и н (*не допуская Скотинина*). Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

М и т р о ф а н. Мамушка, заслони меня!

Е р е м е е в н а (*заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки*). Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

С к о т и н и н (*задрожав и грозя, отходит*). Я вас доеду!

Еремеевна (*задрожав, вслед*). У меня и свои зацепы востры!

Митрофан (*вслед Скотинину*). Убирайся, дядюшка; проваливай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и оба Простаковы

Г-жа Простакова (*мужу, идучи*). Тут проверять нечего. Весь век, сударь, ходишь, развеса уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова (*к Милону*). А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне;

мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

М и л о н. За что, сударыня?

Г-жа П р о с т а к о в а. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смылит. Уж так рохлею родился, мой батюшка.

М и л о н. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа П р о с т а к о в а. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопанный. Уж чего-то

я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели столбняк и попойдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у бога просишь опять столбняка.

П р а в д и н. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен...

Г-жа П р о с т а к о в а. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Ведь у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказывать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!

П р а в д и н *(в сторону)*. Скоро будет он держаться иным образом.

М и т р о ф а н. И сегодня матушка все утро изволила провозиться с холопами.

Г-жа П р о с т а к о в а *(к Софье)*. Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де уж кого и полюбит, так прямо полюбит.

П р а в д и н. А кого он не возлюбит, тот дурной человек. *(К Софье.)* Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да*, когда душа его чувствовала *нет*.

С о ф ь я. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа П р о с т а к о в а. Милость божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа П р о с т а к о в а *(к Простакову)*. Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

П р о с т а к о в *(отходя)*. Не отнялись, да подкосились.

Г-жа П р о с т а к о в а *(к гостям)*. Одна моя забота,

одна моя отрада — Митрофанушка. Мой век проходит Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли? Она их манит, а Митрофан отмахивает

Г-жа Простакова (*не видя их, продолжает*). Авось-либо господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается?

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учителя, Сидорыч Кутейкин...

Еремеевна. И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан (*в сторону*). Пострел их поberi и с Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать. Несчетны годы.

Милон. Ба! Это наш брат служивый! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонный, ваше благородие! А ныне пошел в чистую¹.

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Мало толику арифметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей² у счетных дел. Не всякому открыл господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец проверить, то итоги подвести. Тем и питаюсь: праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломаными³ бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнутьич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

¹ В отставку от службы.

² Чиновников.

³ Над дробями.

П р а в д и н (*к Кутейкину*). А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

К у т е й к и н. Из ученых, ваше благородие! Семинарии здешняя епархии¹. Ходил до риторики², да богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию³ челобитье⁴, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убоясь бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиньями, да не попрут его ногами».

Г-жа П р о с т а к о в а. Да где наш Адам Адамыч?

Е р е м е е в н а. Я и к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка! Задушил, проклятый, табачищем. Такой греховодник.

К у т е й к и н. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

П р а в д и н (*в сторону*). Кутейкин еще и умничает!

К у т е й к и н. Во многих книгах разрешается: во псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеку».

П р а в д и н. Ну, а еще где?

К у т е й к и н. И в другой псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

П р а в д и н (*к г-же Простаковой*). Я не хочу мешать упражнению сына вашего, слуга покорный.

М и л о н. Ни я, сударыня.

Г-жа П р о с т а к о в а. Куда же вы, государи мои?..

П р а в д и н. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа П р о с т а к о в а. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой...

М и л о н. С вами, с вами, сударыня.

П р а в д и н. Мы оба эту честь иметь будем!

¹ Е п а р х и я — церковно-административный округ.

² Классы в семинариях назывались по имени основных предметов, изучавшихся на данной ступени курса: риторика, философия, богословие.

³ К о н с и с т о р и я — церковная канцелярия, аппарат управления епархией.

⁴ Прошение, заявление.

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин
и Цыфиркин

Г-жа Простакова. Ну, как теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Ведь здесь и река близко. Нырну, так поминай, как звали.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что, ни про что...

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту же минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б бог не поставил. Притупились бы эти (*указывая на ногти*), я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна (*заплавав*). Я не усердна вам, ма-

тушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота ¹ не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите?

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше } Вместе.
благородие?

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. (К Митрофану.) Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко ², так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. (К Еремеевне.) С братцем переведаюсь, не потвоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. (Отходит с Митрофаном.)

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма крошечная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку.

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна (в слезах). Нелегкая меня не прибьет! Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

Конец второго действия

¹ Жизни (славянск.).

² Нечто, тайну.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение...

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких...

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины — перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение...

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, не *вы*. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого...

Правдин. А я слышал, что он в военной службе...

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах...

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на звания мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа...

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. (С чувством.) Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я освободить...

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем...

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

П р а в д и н. Редкие правило ваше наблюдать умеют. **С т а р о д у м.** Опыты жизни моей меня к тому учили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

П р а в д и н. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете...

С т а р о д у м. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца¹, воспитан в большом свете и имел особый случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостью. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливым тебе путь,— сказал мне,— а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту же минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду².

П р а в д и н. Сущая истина.

С т а р о д у м. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжелой болезни. Такое

¹ «Случайными людьми» в XVIII веке называли людей, пользовавшихся особыми милостями царей и цариц.

² С к а р е д — скряга, скупец. Здесь — бранное слово.

неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

П р а в д и н. Что ж бы иное и делать надлежало?

С т а р о д у м. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо ¹ любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану.

П р а в д и н. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

С т а р о д у м. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

П р а в д и н. Вы даете чувствовать истинное существо должности ² дворянина.

С т а р о д у м. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

П р а в д и н. Куда же?

С т а р о д у м. Ко двору ³. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

П р а в д и н. Как же вам эта сторона показалась?

С т а р о д у м. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

П р а в д и н. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

С т а р о д у м. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтись не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земли.

П р а в д и н. Так поэтому тут самолюбие...

С т а р о д у м. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их

¹ Истинно, действительно.

² Обязанности, долга.

³ Д в о р — ближайшее окружение государя, придворные.

жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

П р а в д и н. Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

С т а р о д у м. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

П р а в д и н. Вас, конечно, у двора не узнали? ¹

С т а р о д у м. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот; а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

П р а в д и н. Каких?

С т а р о д у м. От двора, мой друг, выживают двумя манерами, либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

П р а в д и н. Итак, вы отошли от двора ни с чем? *(Открывает свою табакерку.)*

С т а р о д у м *(берет у Правдина табак)*. Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублей. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублей целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты², без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои права.

П р а в д и н. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

С т а р о д у м. Призывать? А зачем?

П р а в д и н. За тем, за чем к больным врача призывают.

С т а р о д у м. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

¹ Не поняли.

² «Без ленты», то есть не получив первой степени одного из орденов, знаком которого, кроме звезды, была носимая через плечо широкая лента установленных для ордена цветов.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья

Софья (*к Правдину*). Сил моих не стало от их шуму. Стародум (*в сторону*). Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое меня не обманывает...

Стародум (*обняв ее*). Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросаясь в его объятия*). Дядюшка! Я вне себя от радости.

Стародум. Любезная Софья. Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычу порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечения — твое счастье. Пошел в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум (*к Правдину*). Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решил я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променявая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицепрятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли бы обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй

природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоём замужестве не останавливала нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав её, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям! В голове нет. Умны будут, без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван¹ — все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатым оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Скотинин, Милон

Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рожки, до рожки...

Милон. Не пушу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин (*в запальчивости, оправляя парик*). Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон (*г-же Простаковой*). И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

¹ Статуя.

Милон (*Скотинину*). Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум (*не могши удержаться от смеха, к Правдину*). Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выездный? ¹

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я на роду ничего смешнее не видывал.

Скотинин (*держась за шею*). Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину...

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья рассказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нет, братец, ты должен образ выменять господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. (*Стародуму*.) Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материн сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум (*указывая на Софью*). Приехал к ней, ее дядя Стародум.

Г-жа Простакова (*оробев и истрясась*). Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бесчётная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин (*в сторону*). То-то, он-тот, дядюшка-то!

¹ Приезжий.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Еремеевна

Еремеевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты разве девка, собачья ты дочь? Разве у меня в доме, кроме твоей скверной хари, и служанок нет? Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.

Г-жа Простакова. Лежит! Ах, она bestия! Лежит! Как будто она благородная!

Еремеевна. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит...

Г-жа Простакова. Бредит, bestия! Как будто благородная! Зови ты мужа, сына. Скажи им, что второй наш родитель к нам теперь пожаловал по милости божией, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки. Ну, беги, переваливайся!

Стародум. К чему так суетиться, сударыня? По милости божией я ваш не родитель; по милости же божией, я вам и незнаком.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой приезд, батюшка, ум у меня отнял; да дай хоть обнять тебя хорошенько, благодетель наш!..

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Простаков, Митрофан и Еремеевна

В следующую речь Стародума Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место в стороне и, сложа руки, стала, как вкопанная, выпяля глаза на Стародума с рабским подобострастием.

Стародум (*обнимая неохотно г-жу Простакову*). Милость совсем лишняя, сударыня! Без нее мог бы я весьма легко обойтись. (*Вывавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоящий уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.*) Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум (*увидя еще двух, с нетерпением*). А это кто еще?

Простаков (*обнимая*). Я женин муж.
Митрофан (*ловя руку*). А я матушкин } Вместе.
сынок.

Милон (*Правдину*). Теперь я не представляюсь.

Правдин (*Милону*). Я найду случай представить тебя после.

Стародум (*не давая руки Митрофану*). Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка. Как-де, сударь, мне не целовать твоей ручки? Ты мой второй отец.

Митрофан. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец... (*К матери.*) Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофан. Второй? Второй отец, дядюшка.

Стародум. Я, сударь, тебе ни отец, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, ведь ребенок, может быть, свое счастье прорекает: авось-либо сподобит бог быть ему и впрямь твоим племянничком.

Скотинин. Право! А я чем не племянник? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братец, с тобою лаяться не стану. (*К Стародуму.*) Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась. У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу. Пусть же, себе на уме, бог тому заплатит, кто меня, бедную, обижает.

Стародум. Я это приметил, как скоро ты, сударыня, из дверей показалась.

Правдин. А я уже три дня свидетелем ее добродравия.

Стародум. Этой забавы я так долго иметь не могу. Софьюшка, друг мой, завтра же поутру еду с тобой в Москву.

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! За что такой гнев?

Простаков. За что немилость?

Г-жа Простакова. Как! Нам расстаться с Софьюшкой! С сердешным нашим другом! Я с одной тоски хлеба отстану.

Простаков. А я уже тут сгиб да пропал.

Стародум. О! Когда же вы так ее любите, то должен я вас обрадовать. Я везу ее в Москву для того,

чтоб сделать ее счастье. Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств. За него ее и выдам.

Г-жа Простакова. Ах, уморил!
Милон. Что я слышу!

Софья кажется пораженнойю.

Скотинин. Вот те раз!

Простаков всплеснул руками.

Митрофан. Вот тебе на!

Еремеевна печально кивнула головою.

Правдин показывает вид огорченного удивления.

} Все вместе.

Стародум (*приметя всех смятение*). Что это значит? (*К Софье*.) Софьюшка, друг мой, и ты мне кажешься в смущении? Неужель мое намерение тебя огорчило? Я заступаю место отца твоего. Поверь мне, что я знаю его права. Они нейдут далее, как отвращать несчастную склонность дочери, а выбор достойного человека зависит совершенно от ее сердца. Будь спокойна, друг мой! Твой муж, тебя достойный, кто б он ни был, будет иметь во мне истинного друга. Поди за кого хочешь.

Все принимают веселый вид.

Софья. Дядюшка! Не сомневайтесь в моем повиновении.

Милон (*в сторону*). Почтенный человек!

Г-жа Простакова (*с веселым видом*). Вот отец! Вот послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человек ее стоил. Так, мой батюшка, так. Тут лишь только женихов пропускать не надобно. Коль есть в глазах дворянин, малый молодой...

Скотинин. Из ребят давно уж вышел...

Г-жа Простакова. У кого достаточек, хоть и небольшой...

Скотинин. Да свиной завод не плох...

Г-жа Простакова. Так в добрый час, в архангельский.

Скотинин. Так веселым пирком, да за свадьбу.

Стародум. Советы ваши беспристрастны. Я это вижу.

} Вместе.

Скотинин. То ль еще увидишь, как опознаешь меня покороче. Вишь ты, здесь содомно. Через час место приду к тебе один. Тут и дело сладим. Скажу, не похвалясь: каков я, право, таких мало. *(Отходит.)*

Стародум. Это всего вероятнее.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародум. А он ваш братец?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка. Ведь и я по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было у них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались... Двое о святой неделе с колокольні свалились; а достальные сами не стояли, батюшка!

Стародум. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отец! Не нынешний был век. Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают, ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. Кстати ли? Покойник-свет и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, что чему-нибудь учиться захочет.

Правдин. Вы, однако ж, своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова *(к Правдину)*. Да ныне век другой, батюшка! *(Стародуму.)* Последних крох не жалеем, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет и детина хоть куда. Ведь вот уж ему, батюшка, шестнадцать лет исполнится около зимнего Николы. Жених хоть кому, а все-таки учителя ходят, часа не теряет, и теперь двое в сенях дожидаются. *(Мигнула Еремеевне, чтоб их позвать.)* В Москве же приняли иноземца на пять лет и, чтоб другие не сманили, контракт в полиции заявили. Подрядился учить, чему мы хотим, а по нас учи, чему сам умеешь. Мы весь родительский долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим. Желала б я душевно, чтоб ты сам, батюшка,

полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил.

Стародум. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*) Вот и учителя! Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет. Свое дитя хвалить дурно, а куда не бессчастлива будет та, которую приведет бог быть его женою.

Правдин. Это всё хорошо: не забудьте, однако ж, сударыня, что гость ваш теперь только из Москвы приехал и что ему покой гораздо нужнее похвал вашего сына.

Стародум. Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги, и от всего того, что слышал и что видел.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародум. Благодарен. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мне, и сыну, и мужу. Мы все за твое здоровье в Киев пешком обещаемся, лишь бы дельце наше сладить.

Стародум (*к Правдину*). Когда же мы увидимся? Отдохнув, я сюда приду.

Правдин. Так я здесь и буду иметь честь вас видеть.

Стародум. Рад душою. (*Увидя Милона, который ему с почтением поклонился, откланивается и ему учтиво.*)

Г-жа Простакова. Так милости просим.

Кроме учителей, все отходят. Правдин с Милоном в сторону, а прочие в другую.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодня к здешнему обеду провианту не стало...

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня владыко,

шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвиrne, взалках¹ бы яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!..

Кутейкин. Слышал ли ты, братец, какво житье-то здешним челядинцам², даром что ты служивый, бывал на баталиях³, страх и трепет придет на тя...

Цыфиркин. Вот на! Слышал ли? Я сам видел здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. (*Вздыхнув.*) Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин (*вздыхнув*). О, горе мне грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятется сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумашься. Дал мне бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трех перечесть не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости господи, без склада по складам, без толку по толкам.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня ради в толчки.

Кутейкин. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Цыфиркин (*с жаром*). Я дал бы себе ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкин. Меня хоть теперь шелепами⁴, лишь бы выю грешничу⁵ путем наkostenять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, г-жа Простакова и Митрофан

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

¹ Захотел есть (взалкать — *славянск.*).

² Челяди, слугам.

³ В сражениях.

⁴ Плетями.

⁵ Шею грешничью.

М и т р о ф а н. Ну! А там что?

Г-жа П р о с т а к о в а. А там и женишься.

М и т р о ф а н. Слушай, матушка. Я те потешу. Почуюсь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодня ж быть сговору.

Г-жа П р о с т а к о в а. Придет час воли божией!

М и т р о ф а н. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа П р о с т а к о в а. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куды класть.

М и т р о ф а н. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа П р о с т а к о в а (*работая*). Ах, господи боже мой! Уж ребенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

М и т р о ф а н. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Всё зады, ваше благородие. Ведь с задами-то век назади останешься.

Г-жа П р о с т а к о в а. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад¹, идти по дороге со мною. Ну хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое...

М и т р о ф а н (*пишет*). Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублей.

М и т р о ф а н (*пишет*). Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

¹ Например.

М и т р о ф а н (*вычисляя, шепчет*). Единожды три — три. Единожды нуль — нуль. Единожды нуль — нуль. Г-жа П р о с т а к о в а. Что, что, до дележа?

М и т р о ф а н. Вишь, триста рублей, что нашли, троим разделить.

Г-жа П р о с т а к о в а. Врет он, друг мой сердечный. Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

М и т р о ф а н. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Ц ы ф и р к и н. Пиши, ваше благородие. За ученые жалуете мне в год десять рублей.

М и т р о ф а н. Десять.

Ц ы ф и р к и н. Теперь правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

М и т р о ф а н (*пишет*). Ну, ну, десять.

Ц ы ф и р к и н. Сколько ж бы на год?

М и т р о ф а н (*вычисляя, шепчет*). Нуль да нуль — нуль. Один да один... (*Задумался.*)

Г-жа П р о с т а к о в а. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет — что считать? Деньги есть — сочтем и без Пафнутьича хорошоохонько.

К у т е й к и н. Шабаш, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Ведь на поверку приводить не станут.

М и т р о ф а н. Небось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

К у т е й к и н (*открывает часослов. Митрофан берет указку*). Начнем благословясь. За мною со вниманием. «Аз же есмь червь...»¹

М и т р о ф а н. «Аз же есмь червь...»

К у т е й к и н. Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: «аз есмь скот».

М и т р о ф а н. «Аз есмь скот».

К у т е й к и н (*учебным голосом*). «А не человек».

М и т р о ф а н (*так же*). «А не человек».

К у т е й к и н. «Поношение человеков».

М и т р о ф а н. «Поношение человеков».

К у т е й к и н. «И уни...»

¹ Я — червь (*славянск.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Вральман

Вральман. Ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умари хотят репёнка! Матушка ты мая! Сшался нат сфайе утропой, катора дефять месесоф таскала,— так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим проклятым слатеям. Ис такой калафы долго ль палфан? Ушь диспозисион¹, фсё есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейкин (*затворяя часослов*). Конец и богу слава.

Вральман. Матушка мая! Што тепе натопно? Сынок, какоф ест, да тал пох старовье, или сынок премудрой, так сказать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха; напиток ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда, Адам Адамыч: да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот Петербург, скажут дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит; а и он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман. Сфая кампания то ли тело?

Г-жа Простакова. Адам Адамыч! Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

¹ Расположение (*французск.*)

Г-жа Простак ова. То даром, что мой сын. Малы́й острый, проворный.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы рас-сиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать! пез россиской крамат!

Кутейкин (*в сторону*). Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркин (*в сторону*). Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мне.

Вральман. Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калашь.

Г-жа Простак ова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл сматреть публик. Пыфало, о праснике съетутца в Катрингоф² кареты с хоспотами. Я фсе на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простак ова. С каких козел?

Вральман (*в сторону*). Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал? (*Вслух.*) Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лфче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простак ова. Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш трашайший сын также на сфете как-нибудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя пока-сать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт!³

Митрофан убегает.

¹ Продвигаться, играть роль (*французск.*).

² Екатерингоф — бывший пригород Петербурга, где устраивались праздничные гулянья.

³ Прочь! (*немецк.*).

Г-жа Простакова (*усмехаясь радостно*). Робенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Потю, мая матушка! Салётна птиса! С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Вральман, Кутейкин, Цыфиркин

Цыфиркин (*насмехаясь*). Эка образина!

Кутейкин (*насмехаясь*). Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин (*ударив по плечу*). А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова!

Вральман. Ой, ой! шелесны лапы!

Кутейкин (*ударив по плечу*). Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральман (*тихо*). Пропаль я. (*Вслух.*) Што фы, истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твои всегда глаголоша гордыню, нечестивый.

Вральман (*оправляясь от робости*). Как фы терсаеете нефешничать перед ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою...

Кутейкин. А я часословом.

Вральман. Я хоспоже на фас пошालююсь.

Цыфиркин, замахиваясь доской, а Кутейкин часословом.

Цыфиркин. Раскрою тебе рожу напятеро. }
Кутейкин. Зубы грешника сокрушу. } Вместе.

Вральман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял трус ноги!

Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный!

Вральман (*в дверях*). Што, фсяли, бестия? Сюта сунтось.

Цыфиркин. Уцлел! Мы бы дали тебе таску!
Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь.
Кутейкин. Засел, пребеззаконный! Много ль там
вас, басурманов-то? Всех высылай!
Вральман. С а́тним не слатили!
Эх, прат, фсяли!
Цыфиркин. Один десятерых уберу!
Кутейкин. Во утрие избию вся
грешныя земли!

} Все вдруг кричат.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Софья (*одна, глядя на часы*). Дядюшка скоро должен выйти. (*Садясь*.) Я его здесь подожду. (*Вынимает книжку и прочитав несколько*.) Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! (*Прочитав опять несколько*.) Нельзя не любить правил добродетели. Они — способы к счастью. (*Прочитав еще несколько, взглянула и, увидев Стародума, к нему подбегает*.)

ЯВЛЕНИЕ II

Софья и Стародум

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечный!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона¹, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случилось читать из них все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воруют с корня добродетель. Сядем. (*Оба сели*.)

Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставления, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я после-

¹ Фенелон (1651—1715) — французский писатель, автор романа «Приключения Телемака», носившего политико-нравоучительный характер. Книга Фенелона «О воспитании девиц» в русском переводе вышла в 1763 году.

довать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностью я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум (*с важным чистосердечием*). Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Тыходишь теперь в свет, где первый шаг решит часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, развращенные в своих чувствах. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те, которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злоститься? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для этого добродетельный человек не перестает идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить?

Софья. Да скажите же мне, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне. Всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто ж остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть всегда, как друг, остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, зная, что делает. Надобно, чтоб душа его очень была низка, когда она не выше дурного дела...

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит...

Стародум. А того не знают, что у двора всякая тварь что-нибудь да значит и чего-нибудь да ищет. Того не знают, что у двора все придворные и у всех придворные. Нет, тут завидовать нечему: без знатных дел знатное состояние ничто.

Софья. Конечно, дядюшка! И такой знатный никого счастливым не сделает, кроме себя одного.

Стародум. Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает. Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, который бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?

Стародум. Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. С прибеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену ему дает благоденствие. Без него умный человек — чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает. Умов много и много разных. Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума и не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо все иметь надобно. Достоинство сердца неразделимо. Честный человек должен быть совершенно честный человек.

Софья. Ваше изъяснение, дядюшка, сходно с моим внутренним чувством, которого я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честного человека, и его должность.

Стародум. Должность! А, мой друг! Как это слово у всех на языке и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует, когда если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было б совершенно счастливо. Дворянин,

например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было б таких дворян, которых благородство, можно сказать, погребено с их предками. Дворянин, не достойный быть дворянином,— подлее его ничего на свете не знаю.

Софья. Возможно ль так себя унизить?

Стародум. Друг мой! Что сказал я о дворянине, распространим теперь вообще на человека. У каждого свои должности. Посмотрим, как они исполняются, каковы, например, большею частию мужа нынешнего света, не забудем, каковы и жены. О мой сердечный друг! Теперь мне все твое внимание потребно. Возьмем в пример несчастный дом, каковых множество, где жена не имеет никакой сердечной дружбы к мужу, ни он к жене доверенности; где каждый с своей стороны своротили с пути добродетели. Вместо искреннего и снисходительного друга, жена видит в муже своем грубого и развращенного тирана. С другой стороны, вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. Оба стали друг другу в несносную тягость. Оба ни во что уже ставят доброе имя, потому что у обоих оно потеряно. Можно ль быть ужаснее их состояния? Дом брошен. Люди забывают долг повиновения, видя в самом господине своем раба гнусных страстей его. Имение растощается: оно сделалось ничье, когда хозяин его сам не свой. Дети, несчастные их дети, при жизни отца и матери уже осиротели. Отец, не имея почтения к жене своей, едва смеет их обнять, едва смеет отдаться нежнейшим чувствованиям человеческого сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, не достойная иметь детей, уклоняется их ласки, видя в них или причины беспокойств своих, или упрек своего развращения. И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонаравию, которого в ней нет? В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, какому аду должно быть в душах и мужа и жены!

Софья. Ах, как я ужасаюсь этого примера!

Стародум. И не дивлюся: он должен привести в

трепет добродетельную душу. Я еще той веры, что человек не может быть и развращен столько, чтоб мог спокойно смотреть на то, что видим.

Софья. Боже мой! Отчего такие страшные несчастья!..

Стародум. Оттого, мой друг, что при нынешних супружествах редко с сердцем советуют. Дело о том, знатен ли, богат ли жених? Хороша ли, богата ли невеста? О благонравии вопросу нет. Никому и в голову не входит, что в глазах мыслящих людей честный человек без большого чина — презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может. Признаюсь тебе, что сердце мое тогда только будет спокойно, когда увижу тебя за мужем, достойным твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да как достойного мужа не любить дружески?

Стародум. Так. Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила бы. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны...

Софья. Все, что вы ни говорите, трогает сердце мое...

Стародум (*с нежнейшею горячностью*). И мое восхищается, видя твою чувствительность. От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все приятности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обоих полов совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманывает, что добродетель...

Софья. Ты ею наполнил все мои чувства. (*Бросаясь целовать его руку.*) Где она?

Стародум (*целуя сам ее руку*). Она в твоей душе. Благодарю бога, что в самой тебе нахожу твердое основание твоего счастья. Оно не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства. Все это прийти к тебе может; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то,

чтоб чувствовать себя достойною всех благ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цену...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Камердинер

Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатав и смотря на подпись)*. Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя)*. Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум *(один)*. Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его, мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно ее сердце...

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки)*. Нашла, дядюшка.

Стародум *(читает)*. «Я теперь только узнал... ведет в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того ее не выдам... «Вы найдете... Ваш истинный друг...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен... Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча заметил, и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум (*в сторону*). Милон!

Милон. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакомому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам свою справедливость. Особливые достоинства...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы узнаете его короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья (*тихо Стародуму и в большой радости*). И матушка любила его, как сына.

Стародум (*Софье*). Мне это очень приятно. (*Милону*.) Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и

храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодной кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, собственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое еще не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убоясь ни мщенья, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое просто-сердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более своего сердечного чувства. Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливым, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум (к Софье, с радостью). Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. (В вос-

хищении соединяя их руки.) От всей души моей даю вам мое согласие.

М и л о н (*обнимая Стародума*). Мое счастье несравненно! } Вместе.

С о ф ь я (*целуя руки Стародумовы*). Кто может быть счастливее меня! }

П р а в д и н. Как искренно я рад!

С т а р о д у м. Мое удовольствие неизреченно!

М и л о н (*целуя руку Софьи*). Вот минута нашего благополучия!

С о ф ь я. Сердце мое вечно любить тебя будет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е и С к о т и н и н

С к о т и н и н. И я здесь.

С т а р о д у м. Зачем пожаловал?

С к о т и н и н. За своей нуждой.

С т а р о д у м. А чем я могу служить?

С к о т и н и н. Двумя словами.

С т а р о д у м. Какими это?

С к о т и н и н. Обняв меня покрепче, скажи: Софьюшка твоя.

С т а р о д у м. Не пустое ль затевать изволишь? Подумай-ко хорошенько.

С к о т и н и н. Я никогда не думаю и наперед уверен, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

С т а р о д у м. Это странное дело! Человек ты, как вижу, не без ума, а хочешь, чтоб я отдал мою племянницу, за кого — не знаю.

С к о т и н и н. Не знаешь, так скажу. Я Тарас Скотинин, в роде своем не последний. Род Скотининых великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии¹ не отыщешь.

П р а в д и н (*смеючись*). Этак вы нас уверите, что он старше Адама?

С к о т и н и н. А что ты думаешь? Хоть немногим...

С т а р о д у м (*смеючись*). То есть пращур твой

¹ Герольдией называлось учреждение, в числе других дел регистрировавшее дворянские родословные.

создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама?

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь, как на твоём месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

Скотинин. Рассуди же, какое счастье Софьюшке быть за мною. Она дворянка...

Стародум. Экой человек! Да для того-то ты ей и не жених.

Скотинин. Уж я на то пошел. Пусть болтают, что Скотинин женился на дворяночке. Для меня все равно.

Стародум. Да для нее не все равно, когда скажут, что дворянка вышла за Скотинина.

Милон. Такое неравенство сделало б несчастье вас обоих.

Скотинин. Ба! Да этот что тут равняется! (*Тихо Стародуму.*) А не отбивает ли?

Стародум (*тихо Скотинину*). Мне так кажется.

Скотинин (*тем же тоном*). Да где черту!

Стародум (*тем же тоном*). Тяжело.

Скотинин (*громко, указывая на Милона*). Кто ж из нас смешон? Ха-ха-ха-ха!

Стародум (*смеется*). Вижу, кто смешон.

Софья. Дядюшка! Как мне мило, что вы веселы.

Скотинин (*Стародуму*). Ба! Да ты весельчак. Давича я думал, что к тебе приступу нет. Мне слова не сказал, а теперь все со мной смеешься.

Стародум. Таков человек, мой друг! Час на час не приходит.

Скотинин. Это и видно. Ведь и давича был я тот же Скотинин, а ты сердился.

Стародум. Была причина.

Скотинин. Я ее и знаю. Я и сам в этом таков же. Дома, когда зайду в клева, да найду их не в порядке, досада и возьмет. И ты, не в пронос слово, захав сюда, нашел сестрин дом не лучше клевоу, тебе и досадно.

Стародум. Ты меня счастливее. Меня трогают люди.

Скотинин. А меня так свиньи.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна

Г-жа Простакова (*входя*). Всё ли с тобою, другой мой?

Митрофан. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволили, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, что тебя не беспокоить; не смели в дверь заглянуть; послушим, ан уж ты давно и сюда выйти изволил. Не взыщи, батюшка...

Стародум. О сударыня, мне очень было бы досадно, если б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. (*Стародуму*.) Позволь же, мой батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*.) Кланяйтесь.

Стародум. Какую, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей наших,— нам, грешным, где б и умолить,— даровал нам господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ли, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*К Правдину*.) Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.

Простаков. Всему, мой отец.

Митрофан. Всему, чему изволишь.

Правдин (*Митрофану*). Чему ж бы, например?

Митрофан (*подает ему книгу*). Вот, грамматике.

} Вместе.

Правдин (взяв книгу). Вижу. Это грамматика. Что ж в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему ж?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придет против Адама Адамыча.

Правдин (Митрофану). А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет. Наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли оба вы учились и географии?

Г-жа Простакова (сыну). Слышишь, друг мой сердечный? Это что за наука?

М и т р о ф а н (*тихо матери*). А я почем знаю.

Г-жа П р о с т а к о в а (*тихо Митрофану*). Не упрямясь, душенька. Теперь-то себя и показать.

М и т р о ф а н (*тихо матери*). Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа П р о с т а к о в а (*Правдину*). Как, батюшка, назвал ты науку-то?

П р а в д и н. География.

Г-жа П р о с т а к о в а (*Митрофану*). Слышишь, еор-гафия.

М и т р о ф а н. Да что такое! Господи боже мой! Пристали с ножом к горлу.

Г-жа П р о с т а к о в а (*Правдину*). И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

П р а в д и н. Описание земли.

Г-жа П р о с т а к о в а (*Стародуму*). А к чему бы это служило на первый случай?

С т а р о д у м. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа П р о с т а к о в а. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда, свезут,— куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

С т а р о д у м. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа П р о с т а к о в а. Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на железном сундуке. После всякого сундук otvorит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтобы из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похваюсь, от вас не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! Каково это?

С т а р о д у м. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную картину.

С к о т и н и н. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто

от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел. А какова была головушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменные ворота. Мужик был рослый, ворота низки, за-был наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею¹, и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезв-ясь, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом слу-чае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум (Милону). Об заклад не бейся. Я ду-маю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за ра-дость и выучиться? Мы это видим своими глазами и в нашем краю. Кто посмышленее, того свои же братья дворяне тотчас выберут еще в какую-нибудь долж-ность.

Стародум. А кто посмышленее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякий того и смотрит, что на по-кой. (Правдину.) Ты сам, батюшка, других посмышленее, так сколько трудишься! Вот и теперь, сюда шедши, я ви-дела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! (Вставая.) Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеле-ния от наместника.

Стародум (встает и все встают). Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтра едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

¹ Потылица — затылок; к похвям — к нахвостному ремню у седла.

Милон. А я завтра же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

ЯВЛЕНИЕ IX

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Скотинин, Еремеевна, Стародум, Софья

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

Скотинин. Ну, мой друг сердечный? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обоих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли ж за мною Софьюшке?

Стародум. Не бывать.

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова. А что б помешало?

Скотинин. За чем дело стало?

} Вместе.

Стародум (*сведя обоих*). Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. (*Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним.*)

Г-жа Простакова. Ах, злодей!

Скотинин. Да он рехнулся.

Г-жа Простакова (*с нетерпением*). Когда они выведут?

Скотинин. Ведь ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа Простакова. В семь часов.

Скотинин. Завтре и я проснусь с светом вдруг. Будь он умен, как изволит, а и с Скотининым развяжешься не скоро. (*Отходит.*)

Г-жа Простакова (*бегая по театру в злобе и в мыслях*). В семь часов!.. Мы встанем поране... Что захотела, поставлю на своем... Все ко мне!

Все подбегают.

Г-жа Простакова (*к мужу*). Завтра в шесть часов чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай.

Простаков. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова (*к Еремеевне*). Ты во всю ночь

не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она проснется, беги ко мне.

Е р е м е е в н а. Не промигну, моя матушка.

Г-жа П р о с т а к о в а (*сыну*). Ты, мой друг сердечный, сам в шесть часов будь совсем готов и поставь троих слуг в Софьиной предспальне, да двоих в сенях на подмогу.

М и т р о ф а н. Все будет сделано.

Г-жа П р о с т а к о в а. Подите ж с богом. (*Все отходят.*) А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик прогневается да простит и за неволю. А мы свое возьмем.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно, и что угнетать рабством себе подобных незаконно.

Правдин. Я в этом согласен с вами; да как мудро истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

Стародум. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

Правдин. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...

Стародум. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению

души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И, во-первых, толпа скаредных льстецов...

П р а в д и н. Без душевного презрения нельзя себе образовать, что такое льстец.

С т а р о д у м. Льстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, который сперва свечу погасит, а потом красть станет.

П р а в д и н. Несчастиям людским, конечно, причину собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми...

С т а р о д у м. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может выйти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбирают для мест, а не места похищаются людьми,— тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

П р а в д и н. Справедливо. Великий государь дает...

С т а р о д у м. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

П р а в д и н. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особое старание о воспитании...

С т а р о д у м. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворянотцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин.

П р а в д и н. Но особы высшего состояния просвещают детей своих...

С т а р о д у м. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих — благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякий день разогнул ему Историю

и указал ему в ней два места; в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

П р а в д и н. Надобно действительно, чтоб всякое состояние людей имело приличное себе воспитание; тогда можно быть уверену... Что за шум?

С т а р о д у м. Что такое сделалось?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Милон, Софья, Еремеевна

М и л о н (*отталкивая от Софьи Еремеевну, которая за нее было уцепилась, кричит к людям, имея в руке обнаженную шпагу*). Не смей никто подойти ко мне!

С о ф ь я (*бросаясь к Стародуму*). Ах, дядюшка! Защищи меня!

С т а р о д у м. Друг мой! Что такое!

П р а в д и н. Какое злодеяние!

С о ф ь я. Сердце мое трепещет!

Е р е м е е в н а. Пропала моя головушка!

} Вместе.

М и л о н. Злодей! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее под руки, несмотря на сопротивление и крик, сводят уже с крыльца к карете.

С о ф ь я. Вот мой избавитель!

С т а р о д у м (*к Милону*). Друг мой!

П р а в д и н (*к Еремеевне*). Сейчас скажи, куда везти хотели, или как с злодейкой...

Е р е м е е в н а. Венчаться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа П р о с т а к о в а (*за кулисами*). Плуты! Воры! Мошенники! Всех прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан

Г-жа П р о с т а к о в а. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милона*.) Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват? }
 Митрофан. За людей приниматься? } Вместе.
 Г-жа Простакова. Жива быть не хочу! }
 Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель,
 дает право вам, как дяде, а вам, как жениху...
 Г-жа Простакова. Жениху! }
 Простаков. Хороши мы! } Вместе.
 Митрофан. Всё к черту!
 Правдин. Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представлю ее перед суд, как нарушительницу гражданского спокойствия.
 Г-жа Простакова (*бросаясь на колени*). Батюшки, виновата!
 Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии...
 Простаков. Без вины виноват. }
 Митрофан. Виноват, дядюшка. } Вместе бросаясь на колени.
 Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. (*К Софье.*) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! В своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Ведь я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да не надобно быть и чертом.

М и л о н. И преступление, и раскаяние в ней презрения достойны.

П р а в д и н (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством... и уж спасти ее нельзя.

С т а р о д у м. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа П р о с т а к о в а. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям, своим людям. Теперь-то я всех переберу по одиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

П р а в д и н. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа П р о с т а к о в а. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

П р а в д и н. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

С к о т и н и н. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

П р а в д и н. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. (*Г-же Простаковой.*) Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа П р о с т а к о в а. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высесть не волен: да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?¹

С т а р о д у м. Мастерница толковать указы!

Г-жа П р о с т а к о в а. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову... (*Порывается идти.*)

П р а в д и н (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынув бумагу и важным голосом Простакову.*) Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

П р о с т а к о в. А! До чего мы дожили!

¹ «Указ о вольности дворянской», изданный в 1762 году Петром III, предоставлял дворянству ряд преимуществ, в том числе освобождал дворян от обязательной службы государству. Простакова же понимает указ как разрешение дворянам делать все, что им захочется.

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонаравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. (*Простакову.*) Подите.

Простаков (*отходит, всплеснув руками*). От кого это, матушка?

Г-жа Простакова (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да этак и до меня доберутся. Да этак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю. Совсем погибаю!

Скотинин (*Стародуму*). Я шел было к тебе добиться толку. Жених...

Стародум (*указывая на Милона*). Вот он.

Скотинин. Ага! Так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей...

Правдин. Побольше любили, или б, по крайней мере...

Скотинин. Ну?..

Правдин. Хоть не трогали.

Скотинин (*отходя*). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан,
Софья, Еремеевна

Г-жа Простакова (*Правдину*). Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. (*В сторону.*) Я дала бы себя знать...

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простак ова. Да как вам, бабушка, самому входить в мелочи?

П р а в д и н. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простак ова. А с долгами-то разделаться?.. Не доплачено учителям...

П р а в д и н. Учителям? (*Еремеевне.*) Здесь ли они? Введи их сюда.

Е р е м е е в н а. Чай, что прибрели. А немца-то, мой бабушка?..

П р а в д и н. Всех позови.

Еремеевна отходит.

П р а в д и н. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

С т а р о д у м (*видя в тоске г-жу Простакову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простак ова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин

Е р е м е е в н а (*введя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой бабушка.

В р а л ь м а н (*к Правдину*). Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

К у т е й к и н (*к Правдину*). Зван бых, и приидох.

Ц ы ф и р к и н (*к Правдину*). Что приказу будет, ваше благородие?

С т а р о д у м (*с прихода Вральмана в него вглядывается*). Ба! Это ты, Вральман!

В р а л ь м а н (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин. (*Целуя полу Стародума.*) Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

П р а в д и н. Как? Он вам знаком?

С т а р о д у м. Как не знаком? Он три года был у меня кучером.

Все показывают удивление.

П р а в д и н. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитель...

Правдин (к учителям). По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милостивый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по-пустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин (Кутейкину). Хорошо, хорошо. (Цыфиркину.) Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не брал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

П р а в д и н. Тебе не стыдно, Кутейкин?

К у т е й к и н (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.

С т а р о д у м (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Ц ы ф и р к и н. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам не заслужа, век не потребу.

М и л о н (*давая ему деньги*). Вот еще тебе, друг мой!

Ц ы ф и р к и н. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Ц ы ф и р к и н. Да за что, ваше благородие, жалуете?

П р а в д и н. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Ц ы ф и р к и н. И! Ваше благородие. Я солдат.

П р а в д и н (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с богом.

Цыфиркин отходит.

П р а в д и н. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтра да потрудись рассчесться с самой госпожою.

К у т е й к и н (*выбегая*). С самую! Ото всего отступаюсь.

В р а л ь м а н (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

С т а р о д у м. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

В р а л ь м а н. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е и К а м е р д и н е р

К а м е р д и н е р (*Стародуму*). Карета ваша готова.

В р а л ь м а н. Прикашишь мне дофести сепя?

С т а р о д у м. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья,
Правдин, Митрофан, Еремеевна

Стародум (*к Правдину, держа руку Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердешный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Да она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю, что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят...

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонаравия достойные плоды!

Конец комедии

Д. И. ФОНВИЗИН

Денис Иванович Фонвизин принадлежит к числу крупнейших русских писателей. Лучшая комедия его — «Недоросль» — до сих пор не сходит со сцены, а имя одного из героев ее — Митрофана — давно уже стало нарицательным и обозначает ленивого, невежественного, грубого человека.

Фонвизин родился в 1745 (по другим данным — 1744) году в дворянской семье. Десяти лет он поступил в гимназию при только что открытом Московском университете. Гимназия и университет составляли в то время нечто целое и объединялись современниками под общим названием университета. Фонвизин проучился там семь с половиной лет. В стенах университета, являвшегося любимым детищем Ломоносова, он серьезно заинтересовался литературой, стал писать и напечатал несколько своих переводов.

Весной 1762 года Фонвизин был «произведен в студенты», но уже осенью простился с университетом и перешел на службу в Иностранную коллегию, где занял должность переводчика. Оттуда Фонвизин перевелся в придворное ведомство к вельможе Елагину, управлявшему театрами. Кружок литераторов, группировавшихся вокруг Елагина, работал для русского театра, и Фонвизин принял участие в общих трудах, написав комедии «Корион» и «Бригадир».

Много тяжелых впечатлений от русской действительности скопилось в душе отзывчивого юноши.

В России народ стонал под игом крепостного права. Крестьяне работали на помещичьих полях пять — шесть дней в неделю, иногда их заставляли выходить и по воскресеньям. Рабский труд сопровождался неслыханными притеснениями и мучительством крестьян со стороны дворян-помещиков. В России происходила торговля

людьми. Крепостных продавали целыми деревнями, семьями и порознь, разлучая мать с сыном и мужа с женой.

Вступившая в 1762 году на престол Екатерина II запретила крепостным жаловаться на своих помещиков государственной власти и предоставила дворянам право суда в имениях. Народ волновался и восставал. Случаи убийства помещиков, поджога усадеб насчитывались в 60-х годах десятками. Не за горами была грозная крестьянская война под водительством Емельяна Пугачева.

Все это знал и обо всем этом думал Фонвизин. В среде вельмож, в придворном кругу он видел чудовищные злоупотребления властью, взятки, обман, раболепие перед знатностью и богатством.

Правящее сословие — дворянство — коснело во мраке невежества, Простаковы и Скотинины растили своих Митрофанов. Молодые дворяне, прошедшие школу у французских кучеров и парикмахеров, не имели понятия о национальном достоинстве. Погоня за иностранными модами разоряла помещичьи гнезда.

В своих стихах этой поры Фонвизин высмеивает придворную лесть и подхалимство, сомневается в целесообразности существующего на земле порядка, якобы установленного богом. Стихи эти печатать было нельзя, но они широко распространялись в рукописях. Современники хорошо помнили строки из «Послания к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке»:

Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господ, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман...

В 1769 году Фонвизин сближается с графом Никитой Паниным — руководителем Коллегии иностранных дел — и переходит на службу в коллегию. Вскоре он становится ближайшим помощником и другом Панина, выполняет важнейшие дипломатические поручения.

Панин был воспитателем сына Екатерины II, Павла Петровича, на которого возлагало надежды русское дворянство, недовольное правлением императрицы. Фонви-

зин активно участвовал в политической борьбе на стороне дворянской оппозиции. Он считал, что правительство, поддерживая поместное дворянство, жестоко угнетая крепостных крестьян, совершает ошибку и может вызвать восстание народа.

Фонвизин полагал, что нужно уничтожить рабство крестьян, навести порядок в управлении государством, привлечь наиболее образованных и прогрессивных дворян к руководству страной, ограничив бесконтрольную власть монарха «основательными законами», то есть дворянской конституцией.

Преувеличивая роль и значение дворянства, изображая его единственным носителем чести и разума в стране, Фонвизин с тем большей силой обрушивался на представителей дворянского сословия, изобличая их невежество, корыстолюбие и дикость. Тем самым Фонвизин в своих произведениях выступал против государственной политики и на этом пути вскоре столкнулся с самой императрицей.

Правительство боролось с дворянскими либералами, отрешало их от видных государственных постов. Так был уволен в отставку и Н. И. Панин. Перед его смертью Фонвизин написал политическое завещание Панина, предназначенное для наследника престола, Павла Петровича. В этом документе излагалось бедственное состояние всех сословий в России, подчеркивалось невыносимое положение крепостного крестьянства. Монархическая Россия характеризовалась как страна, где каждый «может быть завсегда или тиран, или жертва». Необходимо, чтобы самодержавие было ограничено твердыми законами, чтобы всем сословиям были предоставлены гражданские права.

Фонвизин любил Россию активной, действенной любовью, не скрывая от себя вопиющих недостатков крепостнического строя и борясь с ними, сколько хватало сил.

Несколько раз Фонвизин бывал за границей и хорошо ознакомился с европейскими странами. Они не очаровали писателя. «Славны бубны за горами» — вот какой вывод сделал он из своих путешествий.

В одном из писем Фонвизин так подвел итоги заграничным впечатлениям: «Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди

езде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно и, словом, что наша нация не хуже никакой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях».

В 1769 году Фонвизин написал комедию «Бригадир». Пьеса эта, перед постановкой многократно читанная автором в дружеских кружках, была восторженно принята слушателями, а затем и зрителями. Всех поражали верность характеров и типичность образов комедии.

Для многих представителей дворянского сословия, слепо преклонявшихся перед всем иностранным, заграница казалась «земным раем». Высшим счастьем почтитали они поездку в Париж, слывший центром мод и развлечений. Фонвизин очень верно схватил эту черту в рассуждениях одного из героев комедии «Бригадир» — Иванушки: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежит короне французской». Такие «русские французы» презирали национальную культуру, третировали русский народ, не говорили на русском языке и были дурными сыновьями своего отечества. Их сурово осудил Фонвизин.

Главной в комедии является мысль о воспитании. Фонвизин с негодованием порицает Иванушку, получившего французское воспитание и зараженного презрением ко всему национальному, русскому. В этом направлении Фонвизин близко примыкал к сатире Н. И. Новикова, боровшегося с французоманией дворянского общества в своих журналах «Трутень» и «Живописец». Смешны и противны фигуры Иванушки и советницы, подобострастно подбирающих крохи иностранной культуры, вернее, того, что им кажется культурой, а на самом деле только рабски следующих заграничным модам. Они коверкают русский язык, наполняя его французскими словами и фразами, которых не понимают окружающие их люди. Так нельзя воспитывать молодежь, говорит Фонвизин, и художественная сила его дарования делала эту мысль особенно убедительной.

Непривлекательно выглядит в пьесе и старшее поколение. Советник был видным судейским чиновником, он отставлен за взятки, но ни капли не исправился. Это лихоимец, хапуга и лицемер. С меньшей сатирической

силой, но все же достаточно резко изображен бригадир. Ограниченный служака, грубый и жестокий человек, он также подвергается осуждению автора.

Пристального внимания заслуживает фигура бригадирши. Фонвизину удалось изобразить в ней не только смешную, необразованную женщину, но и вскрыть черты страдающего человека. Жена, подчиненная грубому мужу, вынужденная терпеть несправедливые упреки и даже побой, несмотря на комизм всех положений, становилась по-своему симпатичной зрителям. «Бригадирша ваша всем родня», — заметил автору Н. И. Панин; и свидетельства других современников подтверждают такое же впечатление, вынесенное ими из знакомства с новым произведением Фонвизина.

В комедии Фонвизин намечает и положительных героев. Добролюбов и Софья не похожи на остальных действующих лиц, но краски этих образов еще не отчетливы, внимание автора сосредоточено на изображении пороков и недостатков, типичных для дворянской среды. Позднее в «Недоросле» Фонвизин уверенно и полно обрисует фигуру Стародума, являющего, по его мнению, пример, достойный подражания.

В комедии «Недоросль», написанной в 1782 году, Фонвизин выводит на сцену представителей некультурного, развращенного помещицъей властью дворянства, показывает, каким испорченным вырастает молодое поколение в этой среде, и заявляет свой протест против засилья Скотининых. А именно этот слой мелкого провинциального дворянства составлял наиболее надежную опору власти Екатерины в 70—80-е годы. Писатель указывает, как следует ограничить произвол, чинимый помещиками над крепостными. Представитель государства, чиновник Правдин, убедившись в неспособности Простаковой управлять крестьянами, берет ее имение в опеку от имени правительства. На самом деле такого закона не существовало. Помещики были властны в жизни и смерти своих крепостных. Когда Фонвизин вводил сцену лишения Простаковой господских прав, он подсказывал зрителям и правительству один из возможных путей пресечения помещицъего произвола. Это было смелым и принципиальным шагом писателя, неодобрительно встреченным Екатериной. Царица была недовольна свободомыслием Фонвизина, его стремлением вмести-

ваться в общественные дела и лечить социальные язвы. Она вскоре ясно дала почувствовать это писателю, грубо оборвав его литературную деятельность и, в сущности, прекратив ее.

Фигура Простаковой схвачена и изображена Фонвизиним с необычайной верностью и реалистичностью. Он глубоко понял неразумность ее слепой, животной любви к своему детищу, Митрофану,— любви, которая, в сущности, губит ее ненаглядного сына. Отвратительна Простакова в сценах с крепостными крестьянами, жалка при встречах с Правдиным и Стародумом. Фонвизин ясно показывает, что Простаковы не должны управлять людьми: они губят самую идею власти, а могут погубить и государство, вновь доведя крепостной народ до восстания. Но при всем этом Простакова не зверь, а человек, пусть безнадежно испорченный средой и воспитанием, но все же человек. Писатель сумел показать это в последней сцене «Недоросля», когда потерявшая власть Простакова, увидев крушение своих замыслов, бросается к сыну с возгласом: «Один ты остался у меня, мой сердешный друг, Митрофанушка!» — и наталкивается на бессердечный и злой ответ его: «Да отвяжись, матушка, как навязалась...» — «Вот злонравия достойные плоды!» — говорит Стародум, заканчивая комедию: но эта оценка его относится не только к Простаковой, а и ко всей системе государственного порядка в России. Злонравие подданных есть прямое следствие дурных качеств государя, полагал Фонвизин; существованием своим Скотинины и Простаковы обязаны всему режиму, а стало быть, этот режим негоден и должен подвергнуться коренным изменениям.

«В «Недоросле» впервые выведено на свет и на сцену растлевающее значение крепостного права и его влияние на дворянство, духовно погубленное, выродившееся и развращенное именно рабством крестьянства», — писал М. Горький в своей «Истории русской литературы».

Тема воспитания всегда сильно занимала Фонвизина. Он неутомимо ратовал за расцвет просвещения в России и считал, что воспитанные в строгих гражданских правилах дворяне будут достойными руководителями и опекунами крестьянского населения страны. А воспитание молодых дворян было поставлено очень дурно. Им часто занимались невежественные иностранцы, которым

вверялись молодые люди, чьи родители были заражены ядом низкопоклонства перед заграницей и презирали свое, русское. Чему мог выучиться Митрофан у кучера-немца Вральмана, для того чтобы стать офицером или чиновником? Что мог вывезти из Парижа сын бригадира Иванушка, отправившийся во Францию с убеждением в безусловном превосходстве всего иноземного над отечественной культурой? Самые дурные качества характера, самые отсталые взгляды на науку, вражда к истинному просвещению характеризуют этих молодых дворян.

В литературе не раз высказывалось мнение о том, что Стародум, Милон, Софья, Правдин — это «идеальные» герои, что русская действительность не имела таких людей и автор «выдумал» их. Такой взгляд глубоко ошибочен; документы, мемуары и письма XVIII века резко ему противоречат.

В русском обществе, среди знакомых Фонвизина, были деятели, похожие на Стародума и Правдина, встречались образованные и чуткие девушки, напоминавшие Софью. Писатель обобщил их черты, представил в одном образе то, что находил у нескольких реальных прототипов, и нимало не грешил против истины.

С еще большей уверенностью изображал он Простакых и Скотининых: такие персонажи встречались гораздо чаще среди русского провинциального дворянства второй половины XVIII века; но и здесь писатель неминуемо прибегал к обобщениям.

Для современников Фонвизина речи Стародума звучали политически остро и мудро, в них состоял едва ли не главный интерес спектакля. Фонвизин устами Стародума излагал патриотические убеждения лучшей части дворянского общества, порывавшего с потемкинским режимом насилия и невежества; он спорил с Екатериной II и давал ей наставления, каким должен быть «истинно великий государь». И эти мысли хорошо принимались зрительным залом. Недаром, начиная свой журнал «Друг честных людей», Фонвизин писал, якобы обращаясь к Стародуму: «Я должен признаться, что за успех комедии моей «Недоросль» одолжен я вашей особе. Из разговоров ваших с Правдиным, Милоном и Софьею составил я целые явления, кои публика и доныне с удовольствием слушает».

К числу выдающихся достоинств комедии относится также ее язык. Фонвизин строит языковые характеристики героев. Мал и беден словарь Митрофана и Скотинина; свободно владеют речью Стародум, Софья и Правдин. Много грубых и простонародных слов в речах Простаковой, язык ее не отличается от языка крепостных людей. Отставной солдат Цыфиркин пользуется выражениями, употребляющимися в военном быту; семинарист Кутейкин уснащает свою речь церковнославянскими словами и цитатами из духовных книг. Чтобы усилить характеристику Вральмана, писатель передает его ломаную русскую речь и подчеркивает неправильности произношения.

Высоко оценивал творчество Фонвизина великий революционер-демократ В. Г. Белинский, называвший комедии «Бригадир» и «Недоросль» «гениальными созданиями», а их автора — «самобытным и даровитым» писателем. «Фонвизин казнил в своих комедиях дикое невежество старого поколения и грубый лоск поверхностного и внешнего европейского полуобразования новых поколений», — писал Белинский в первой статье о сочинениях Александра Пушкина.

Фонвизин подлинно явился творцом первой русской реалистической комедии. «Недоросль» открыл новую страницу в истории русской литературы и театра. Пушкин справедливо называл «Недоросль» «народной комедией» и «единственным памятником народной сатиры».

В 1788 году Фонвизин задумал издавать журнал «Друг честных людей», или «Стародум», о чем было напечатано объявление. Однако издание это не было разрешено, и подготовленные Фонвизиним материалы остались в рукописях. Статьи «Друга честных людей» показывают дальнейший рост художественного мастерства Фонвизина и развитие его гражданских идеалов. Он смело затрагивает вопрос о превосходстве парламентского строя над монархическим, о недостатках екатерининского режима, о вопиющих несправедливостях, творящихся при дворе под покровительством царицы.

Одним из наиболее острых и ярких произведений Фонвизина, предназначенных им для своего журнала, является «Всеобщая придворная грамматика», составленная в форме учебника. Грамматика Фонвизина дает меткие характеристики придворных нравов и вскрывает

в весьма остроумных выражениях основные пороки представителей высшего сословия России. Нет сомнения в том, что автор, назвав свою грамматику «всеобщей», обобщал в ней многие черты, свойственные монархическому правлению вообще; но верно также и то, что прежде всего он имел в виду русскую царицу и ее придворных. Эту группу вельмож и их прихвостней Фонвизин без обиняков называет «подлыми душами», рассматривая шесть оттенков, их различающих. Лъстецы, подхалимы, трусы, вымогатели, притворщики и подлецы — вот как характеризует сатирик качества придворных прихлебателей. С полной отчетливостью проведено разделение людей, составляющих царский двор, на «гласных», «безгласных» и «полугласных», определен «придворный падеж» как «наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости», указаны «придворные» наклонения, времена и глаголы, из которых чаще всего употребляется глагол «быть должным», хотя долгов при дворе не платят.

Попытка издания своего журнала характеризует Фонвизина как писателя-бойца, не желавшего складывать оружие. Но вряд ли он серьезно рассчитывал на успех своего начинания. Слишком ясно было, что Екатерина не хочет больше видеть в печати произведений Фонвизина. Пятью годами ранее она почти прямо заявила об этом. В 1783 году Фонвизин отправил в журнал «Собеседник любителей российского слова» вопросы к сочинителю «Былей и небылиц» — под таким названием императрица помещала в журнале свои длинные, нисколько не остроумные и часто бессмысленные фельетоны. Вопросы Фонвизина были напечатаны, но Екатерина сопроводила их своими ответами, показавшими, сколь сильно она была раздражена смелостью автора и как резко потребовала от него безусловного подчинения.

В самом деле, Фонвизин поставил такие вопросы, которые не могли не задеть императрицу. Он спрашивал, например: «Отчего много добрых людей видим в отставке?», «Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?», «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?» Каждый вопрос имел точный адрес, бил прямо в цель. Фонвизин

затрагивал важнейшие темы дня — создание законодательных учреждений, введение гласного суда, отставку представителей дворянской оппозиции, фаворитизм и многое другое. Екатерина отвечала не по существу, лгала, изворачивалась, а в конце концов рассердилась и, отвечая на четырнадцатый пункт, указала, что «сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».

Особенно четко точка зрения Екатерины была выражена в ответе на последний, двадцатый вопрос. «В чем состоит наш национальный характер?» — спрашивал Фонвизин. Для него было ясно, что отличительными чертами этого характера являются патриотизм, мужество, честность, верность гражданскому долгу, ненависть к рабству. Так думали все лучшие, передовые русские писатели; в таком свете рисовался русский национальный характер великому современнику Фонвизина — А. Н. Радищеву. Что же ответила Екатерина? Она потребовала от русского человека совсем иных качеств, считая, что наш национальный характер состоит в «остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Послушания — вот чего ждала императрица после крестьянской войны 1773—1775 годов, а именно раблепной покорности она и не видела со стороны Фонвизина. Он не соглашался, он спорил и становился опасной силой. Прежде всего надо было ограничить «свободоязычие» писателя, то есть запретить ему печататься.

И Екатерина сделала это. Фонвизин был устранен из литературы. Произведения его ходили в списках, но в печати не появлялись.

Последние годы жизни писателя были омрачены тяжелой болезнью. В 1792 году Фонвизин умер.

В сознание следовавших за ним поколений Фонвизин вошел как смелый свободолобец, выступавший против императрицы Екатерины и ее приближенных, как борец против крепостного права. Именно так он воспринимался декабристами. Недаром Пушкин назвал его «другом свободы». Ни одна строка, написанная Фонвизиним и не пропущенная цензурой в печать, не пропала бесследно для читателей. Произведения Фонвизина переписывались от руки и пользовались большой известностью.

Для русского театра Фонвизину удалось сделать чрезвычайно много. В сущности, его «Бригадир» явился первой русской национальной комедией, как «Недоросль» — первой русской реалистической комедией. Путь к театру Гоголя и Островского был проложен Фонвизиним.

Фонвизин был одним из славных предшественников Гоголя и Щедрина. И сейчас живут на сцене образы, созданные великим сатириком. Смешны и противны советскому человеку неуч и лентяй Митрофан, невежественный и грубый Скотинин и помещица Простакова. Эти образы учат ненавидеть варваров и эксплуататоров.

Великий русский писатель, выдающийся деятель русской национальной культуры, Фонвизин дорог нам как один из замечательных людей прошлого. Творческое наследие Фонвизина легло краеугольным камнем в создание русской реалистической литературы, составляющей нашу законную национальную гордость.

А. Западов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	5
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	19
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	33
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	55
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ	72
<i>А. Западов. Д. И. ФОНВИЗИН</i>	<i>82</i>

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Д. И. Ф о н в и з и н

НЕДОРΟΣЛЬ

Ответственный редактор
С. М. Туркова.

Художественный редактор
А. В. Карпов.

Технический редактор
Т. Д. Раткевич.

Корректоры
Л. А. Бочкарёва и Н. Н. Жукова.

ИБ № 5361

Сдано в набор 02.09.80. Подписано к печати 11.06.81.
Формат 84×108¹/₃₂. Шрифт литературный. Печать высокая. Бумага типогр. № 2. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 500 000 (250.001—500 000) экз. Заказ № 2231. Цена 30 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеvский вал, 49.

Фонвизин Д. И.

Ф77 Недоросль: Комедия/ Послесловие и комментарий А. Западова; Рис. Н. Муратова.— Л.: Дет. лит., 1981.— 93 с., ил. (Школьная б-ка.)

В пер.: 30 к.

Ф $\frac{70803-154}{M101(03)81}$ 156—81

P1 (ср. и ст.)

В 1982 ГОДУ В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ВЫХОДЯТ КНИГИ:

Куприн А.

Изумруд.

Рассказы и повесть.

Рис. Г. А. В. Трауготов.

В тридевятиом царстве,
в тридесятом государстве.

Сказки народов СССР.

Пересказ и обработка А. Любарской.

Сладков Н.

Под шапкой-невидимкой.

*Рассказы об охране природы,
о животных.*

Алмазов Б.

Кто обучает трубачей

(к 60-летию пионерской организации).

Беломлинский М., Гаврилов Л., Суслов В.

Страна друзей

*(о дружбе детей
из 15-ти советских республик).*

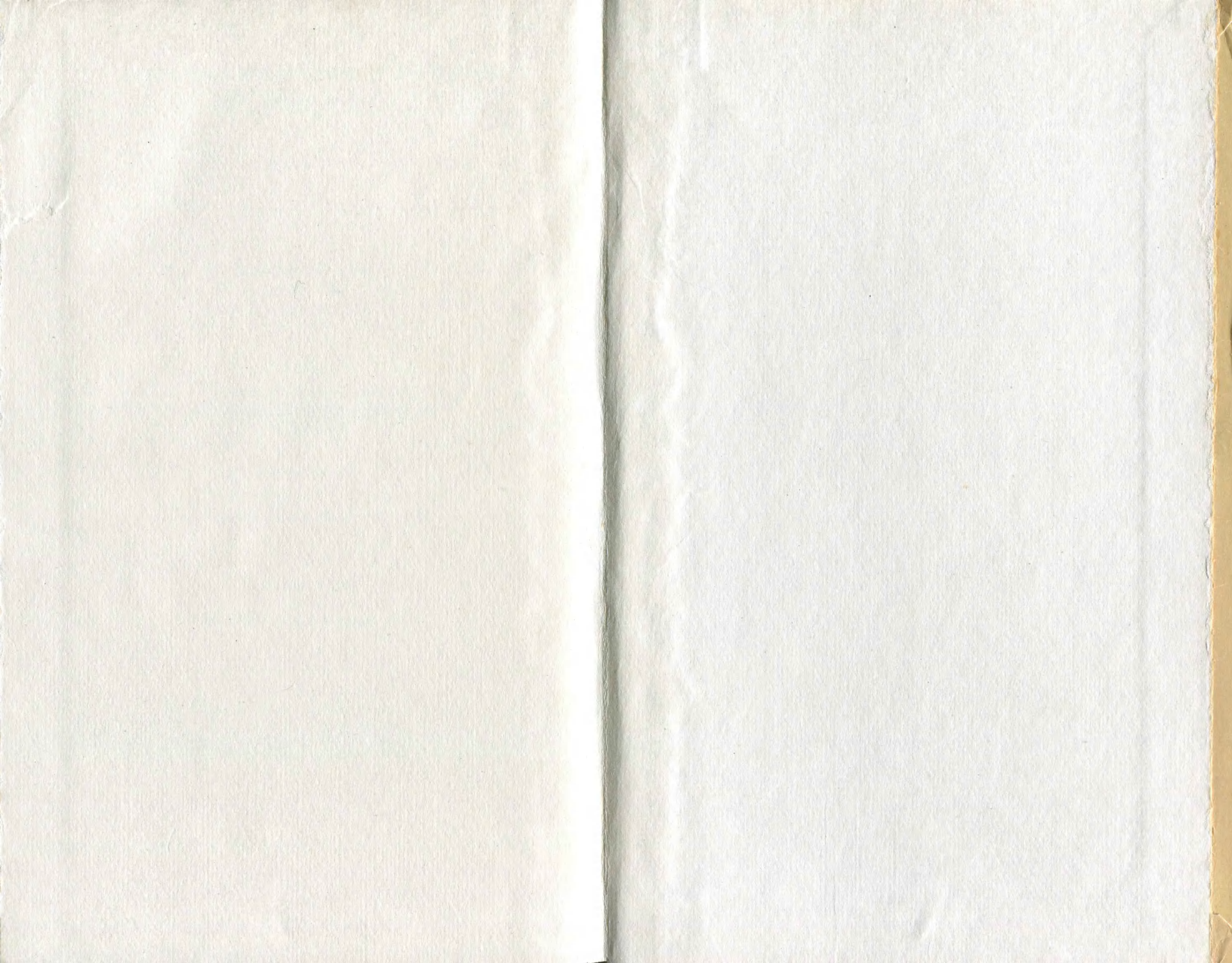
Леонов А.

Своими руками.

Рассказы о героях труда — животноводах.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. И. ФОНВИЗИН

НЕДОРΟΣЬ